

УДК 341

DOI 10.52928/2070-1632-2021-56-5-113-119

ПОНЯТИЕ «НАИЛУЧШИЙ ИНТЕРЕС РЕБЕНКА» В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

В.В. ДОРИНА

(Полоцкий государственный университет)

В статье исследуется проблема определения понятия «интерес ребенка» в международном и национальном праве. Приводятся примеры различных подходов к определению интереса ребенка в международных актах, нормативных правовых актах Республики Беларусь, зарубежном законодательстве. Анализируются подходы исследователей к вопросу определения понятия «интерес ребенка». Делается вывод о том, что, не давая конкретного определения наилучшему интересу ребенка, международное право намеренно оставляет свободу толкования правоприменителю. В свою очередь, в национальном законодательстве интерес ребенка трактуется исходя из критерия законности, что ограничивает рамки толкования исследуемого термина, не отвечает современным условиям с быстро развивающимися общественными отношениями, которые не всегда успевают отразиться на законодательном уровне.

Ключевые слова: интерес ребенка, наилучший интерес, законный интерес, наилучший интерес ребенка, права ребенка, права человека.

Введение. На сегодняшний день в международных правовых актах, национальном законодательстве, работах исследователей в области прав человека в целом и прав ребенка в частности предлагаются различные подходы к определению понятия «наилучший интерес ребенка». Отсутствие единого подхода к содержанию данного понятия создает путаницу при его толковании и может стать препятствием для реализации его на практике, создавая возможность манипулирования и злоупотребления со стороны правоприменителя. В связи с этим видится необходимым прийти к консенсусу и разработать единый подход к определению наилучшего интереса ребенка.

В рамках данной статьи мы рассмотрим некоторые подходы к определению понятия «наилучший интерес ребенка» в отечественной и зарубежной доктрине, а также в национальном и зарубежном законодательстве, сделаем попытку выявить сильные и слабые стороны существующих подходов к определению «наилучшего интереса», в итоге обозначим наиболее оптимальный подход к определению понятия «наилучший интерес ребенка», отвечающий всем требованиям международного права и соответствующий условиям для реализации данного принципа на практике.

Основная часть. В период между двумя мировыми войнами была разработана научная концепция прав ребенка. В ее основе лежало убеждение, что ребенок является независимым человеком, имеющим свои потребности, интересы и права; и что он или она вправе рассматриваться не только в качестве объекта заботы и беспокойства, но и субъекта, чьи интересы и права должны быть соблюдены. Согласно данной концепции, ребенок на определенном этапе своего развития способен выражать собственное мнение, которое должно быть принято во внимание [1, с. 18]. Главенствующую роль в вопросе укрепления правовых гарантий по охране прав и учета интересов ребенка, а также при перемещении акцента с восприятия ребенка как объекта правовой защиты, на представление его полноценным субъектом права играет Конвенция ООН о правах ребенка 1989 г., которая провозглашает неотъемлемые права и свободы детей.

В свою очередь, наблюдающий за выполнением государствами-участниками Конвенции о правах ребенка (далее – КПП) и двух Факультативных протоколов к ней Комитет по правам ребенка утвердил в качестве приоритетных принципов защиты прав детей в деятельности органов исполнительной, законодательной и судебной власти всех уровней такие, как недискриминация (ст. 2), право ребенка на жизнь, выживание и развитие (ст. 6) и уважение к взглядам ребенка (ст. 12), а также принцип обеспечения наилучшего интереса ребенка (ст. 3)¹. Именно эти четыре положения Комитет обозначил как «основные принципы», которые необходимо учитывать при толковании всех статей Конвенции о правах ребенка, а также рассматривать в качестве основы для периодических отчетов государств-участников при представлении информации о факторах, трудностях и достигнутых результатах в осуществлении положений Конвенции, приоритетных задачах на будущее в области ее осуществления.

Принцип обеспечения наилучших интересов ребенка закреплен в ч. 1 ст. 3 КПП, которая гласит, что «во всех действиях в отношении детей, независимо от того, предпринимаются они государственными или

¹ Замечание общего порядка № 5: общие меры по осуществлению Конвенции о правах ребенка (ст.ст. 4, 42 и п. 6 ст. 44 Конвенции о правах ребенка), 27 ноября 2003 г. [Электронный ресурс] // Комитет по правам ребенка. – URL: <http://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=6OkG1d%2FPPRiCAqhKb7yhsiQql8gX5Zxh0cQqSRzx6Zd2%2FQRsDnCTcaruSeZhPr2vUBcDzXTs%2BkduIvu5N%2BHG04BxLnmOHuynq2wjSJLVIT0Y0Ndda5UQ6R%2BHtSKsk8ze>.

частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется обеспечению наилучших интересов ребенка». Следует отметить, что принцип обеспечения наилучших интересов был известен еще до принятия Конвенции о правах ребенка 1989 г. Один из первых международных текстов о детях – Декларация прав ребенка 1924 г. (Женевская декларация) – не содержит никакого упоминания о «наилучших интересах». Впервые упоминает данный принцип Декларация о правах ребенка 1959 г. в двух контекстах. Во-первых, наилучшие интересы ребенка должны быть главным соображением при принятии законов, позволяющих ребенку развиваться физически, умственно, нравственно и духовно (Принцип 2). Во-вторых, родители и другие лица, ответственные за воспитание ребенка, должны рассматривать обеспечение наилучших интересов в качестве руководящего принципа (Принцип 7). Ссылка на наилучшие интересы также присутствует в ст. 5 в Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г., Конвенции о правах инвалидов (статьи, посвященные правам детей-инвалидов), а также в региональных правовых актах, например, ст. 5 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и др. Однако ни один из перечисленных документов не дает исчерпывающего определения, что же вкладывается в понятие «интерес ребенка». Следует отметить, что ссылки на наилучшие интересы в международных актах касаются только детей и ни к одной другой категории субъектов прав человека исследуемый принцип не применяется и не упоминается.

Несмотря на то, что принцип обеспечения наилучшего интереса ребенка известен еще со времен Декларации о правах ребенка 1959 г., наибольшее распространение и внимание он получил с принятием Конвенции ООН о правах ребенка. Особое значение для понимания, применения и толкования КПР имеют принятые к ней Комитетом по правам ребенка Замечания общего порядка (далее – ЗОП).

Для исследования права ребенка на уделение первоочередного внимания обеспечению его наилучших интересов особое значение имеют ЗОП № 14, принятые в 2013 г., в котором при правовом анализе п. 1 ст. 3 Конвенции о правах ребенка принцип обеспечения наилучших интересов рассматривается как развивающаяся концепция, которая определяется как гибкая и адаптируемая². Гибкость концепции позволяет максимально учесть индивидуальные особенности ребенка и обстоятельства каждого конкретного случая. Вместе с тем, она порождает и некоторую сложность применения. Субъективная оценка обстоятельств может вызывать злоупотребления со стороны государственных органов, родителей, специалистов. При этом, как и сама Конвенция, замечания Комитета по правам ребенка к ней не дают определения понятию «интерес ребенка», однако указывают на необходимость действовать исходя из индивидуальности каждого конкретного случая, не ограничивая толкование этого понятия. Таким образом, международное право намерено не ограничивает данный принцип четким определением, чтобы сохранить его гибкость и адаптируемость к каждому конкретному случаю, что позволяет правоприменителю в наибольшей степени учитывать и обеспечивать наилучший интерес ребенка, исходя из его индивидуальности, не ограничивая их действия узкими рамками и подводя все под единый стандарт.

В свою очередь правовая доктрина, проявляя интерес к вопросу реализации принципа обеспечения наилучшего интереса ребенка, расходится во мнении касательно определения понятия «интерес ребенка». Обратимся к некоторым подходам к данному вопросу.

Многие авторы склоняются к мнению, что в основе интереса ребенка лежат потребности. С этим согласен Ю.Ф. Беспалов, который определяет интерес ребенка как его потребность в создании условий, необходимых для содержания и благополучного развития, подготовки к самостоятельной жизни [2, с. 12]. Интересы ребенка как субъективно обусловленную потребность в благоприятных условиях его существования, находящую объективное выражение в реализации родителями своих прав и обязанностей, предусмотренных семейным законодательством, видит О.Ю. Ильина [3, с. 54]. Другие авторы ограничиваются тем, что определяют интересы ребенка как потребность в условиях для нормального физического и психического развития, надлежащих материально-бытовых условиях [4, с. 13].

О соотношении понятия «интерес» и «потребность» в юридической науке существует много споров: многие исследователи отождествляют эти понятия, другие склоняются к тому, что они взаимосвязаны. Большинство ученых считает «потребность» более широким понятием, так как оно применимо как к социальной, так и к биологической жизни, тогда как «интерес» всегда только социален. При этом интерес определяется как социальная потребность [5, л. 33], тогда как другие исследователи, напротив, полагают, что «желания» и «потребности» более узкие понятия, чем «интерес», так как не носят признака публичности, а являются как бы интимными признаками индивида [6, с. 131]. Достаточно емкое определение дает О.Г. Миролобова, которая предлагает определить интересы ребенка как охраняемые законом потребности ребенка в материальных или духовных благах, обеспечивающих его гармоничное личностное развитие,

² Замечание общего порядка № 14: о праве ребенка на уделение первоочередного внимания наилучшему обеспечению его интересов (п. 1 ст. 3 Конвенции о правах ребенка), 29 мая 2013 г. [Электронный ресурс] // Комитет по правам ребенка. – URL: <https://www.refworld.org.ru/docid/528b2c874.html>.

либо стремление к достижению этих благ, служащее регулятором деятельности ребенка, его родителей, законных представителей, иных субъектов, уполномоченных государственных органов, а также критерием осуществления и защиты прав [4, с. 13].

Однако определение интересов как «охраняемых законом потребностей» ребенка в благах, обеспечивающих его гармоничное личностное развитие или стремление к их достижению, вызывает вопрос о потребностях ребенка, не охраняемых законом. Здесь уместно обратиться к еще одной категории – «законный интерес». Часто понятие «наилучший интерес» заменяется понятием «законный интерес», но можно ли считать два этих понятия идентичными, одинаково ли они обеспечивают интерес ребенка на практике?

Например, в Республике Беларусь правовым актом, непосредственно регламентирующим права детей, является Закон Республики Беларусь «О правах ребенка» от 19 ноября 1993 г., который оперирует понятием «законный интерес». Однако, что законодатель вкладывает в это понятие, – не указано. Здесь следует отметить, что «законный интерес», это тот интерес, который закреплен в законе, охраняется им. В таком случае, если какой-либо интерес ребенка не закреплен на законодательном уровне и не является *законным* – это не означает, что он не может быть *наилучшим* интересом ребенка. Немного забегаая вперед отметим, что в национальном законодательстве Республики Беларусь категория «законный интерес» встречается и в Кодексе о браке и семье, Кодексе об образовании, Законе «О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной защиты, убежища и временной защиты в Республике Беларусь» и др. Отсутствие в национальном законодательстве принципа наилучших интересов ребенка является одним из пунктов замечаний к исполнению положений КПП Республикой Беларусь.

Как отмечает в своей монографии, посвященной законным интересам, В.В. Субочев: количество интересов, которые нуждаются в законодательном закреплении и непосредственной, конкретизированной охране гораздо обширнее норм, составляющих законодательную основу регулирования общественных отношений. Право более статично, чем регулируемые им отношения. Оно почти всегда «отстает от жизни» как при упорядочении социальных связей, так и при опосредовании многообразных интересов [7, с. 17]. Вторит ему и Н.В. Кравчук, справедливо замечая, что законодательство не поспевает за стремительно развивающимися в современном мире общественными отношениями. Права ребенка в разных областях также оказываются незащищенными в силу отсутствия регулирования того или иного вопроса. Критерий «охраняемости законом» в современных условиях будет скорее препятствовать в определении и защите интересов ребенка [8, с. 111].

Приведем в пример активное использование сети Интернет, в первую очередь родителями, которые зачастую, не взирая на мнение ребенка, размещают информацию о нем в публичный доступ. На законодательном уровне нет запрета на публикацию фотографий ребенка или информации о нем, например, в социальных сетях, однако в будущем это может привести к нарушению его права на неприкосновенность частной жизни. Значительные объемы данных о ребенке в сети могут не нарушать его «законный интерес», но в таком случае не учитываются его эмоциональные и психологические потребности, а значит есть вероятность необеспечения в должной мере наилучшего интереса ребенка. Сходный вопрос возникает и применительно к ограничению интересов ребенка благами, обеспечивающими его гармоничное личностное развитие, ведь могут быть интересы, не связанные с его развитием [9, с. 58].

Что касается зарубежных исследований, то авторы в большей степени соглашаются с открытым понятием наилучшего интереса ребенка, не ограниченного конкретными рамками. Например, профессор Университета Валенсии Дж. К. Ллоренс пишет, что при принятии решений и определении наилучшего интереса в отношении пяти разных детей, следует принять пять разных решений (нет двух одинаковых детей, которые повели бы себя одинаково при одинаковых обстоятельствах, в одной и той же ситуации). Но при определении наилучшего интереса одного ребенка пять взрослых должны принять одно решение. Иными словами, несмотря на неопределенность концепции, при принятии решений и определении наилучшего интереса следует исходить из объективных критериев [10, с. 12]. Таким образом автор указал на необходимость исключить любые злоупотребления со стороны правоприменителя в силу отсутствия четких критериев, составляющих наилучший интерес. Наилучший интерес – это не то, что правоприменитель считает лучшим, а то, что эффективно осуществляет все права, закрепленные в КПП.

В исследовании, посвященном образованию в наилучших интересах ребенка, автор полагает, что на самом базовом уровне наилучший интерес ребенка касается благополучия и достигнутого прогресса относительно показателей благополучия [11, с. 24]. Схожая позиция встречается в практическом руководстве по выполнению рекомендаций УВКБ ООН по определению наилучших интересов ребенка. Принцип наилучших интересов здесь определяется как юридическая обязательная правовая норма, а в целом речь идет об общем благополучии ребенка. Отсутствие в Конвенции четкого определения позволяет сопоставлять факторы, которые необходимо принимать во внимание в каждом конкретном случае, с обстоятельствами дела, соблюдая при этом четкие процедурные рамки³.

³ Практическое руководство по выполнению рекомендаций УВКБ ООН по определению наилучших интересов (2011) [Электронный ресурс] // Управление Верховного Комиссара по делам беженцев. – URL: <https://www.refworld.org/cgi-bin/tehis/vtx/rwmain/openssl.pdf?reldoc=y&docid=5571a5e64>.

Однако существует и другой взгляд относительно соотношения «наилучшего интереса» и «благополучия». Благополучие, по мнению некоторых исследователей, не концентрируется на правах. Хотя принцип благополучия и интересы ребенка имеют много общего, они отличаются друг от друга. «Благополучие», по мнению О. Хазовой, имеет патерналистский, защитный оттенок. Тогда как наилучшие интересы ребенка интерпретируются как право, а также как правовой принцип и как правило процедуры [12, с. 28].

С критикой в адрес принципа наилучших интересов ребенка выступает Н. Кантвелл. На его взгляд постоянное и необоснованное множество ссылок на наилучшие интересы на самом деле препятствует повышению осведомленности о том, что дети являются носителями прав человека в целом, в отличие от «особых» прав, и что эти права можно и нужно защищать на тех же основаниях, что и права всех других людей [13, с. 24]. Автор полагает, что права человека, в том числе права детей, всегда можно соблюдать и защищать просто как права человека и нет никакого основания полагать, что при реализации прав страдают интересы. Это утверждение подкрепляется тем, что обеспечение наилучших интересов применимо только к детям. Тем не менее, есть ситуации, когда оценка наилучших интересов может быть полезной, если не сказать жизненно важной. Несмотря на довольно скептический подход к вопросу определения наилучших интересов, автор соглашается, что действительно есть веские основания для изучения «наилучших интересов». Эти основания включают происхождение и историю самого понятия, способ, которым оно стало частью КПР, проблема его местонахождения в контексте прав человека, его постоянное манипулятивное использование в ущерб правозащитным установкам [13, с. 26].

Таким образом, следует отчасти согласиться с автором в том, что правильное определение наилучших интересов играет роль в реализации Конвенции ООН о правах ребенка, но обращаться к наилучшим интересам следует только тогда, когда это необходимо, уместно и выполнимо в качестве инструмента для продвижения прав детей в рамках прав человека.

Характеризуя зарубежные научные исследования в этой области, Н.В. Кравчук делает вывод, что они посвящены не тому, что такое «интерес ребенка», а что «в интересах ребенка», а так как исчерпывающего содержания концепции нет, ученые анализируют практику ее применения, какие действия властей будут являться соблюдением или нарушением интересов ребенка [14, с. 100].

Далее обратимся к закреплению принципа обеспечения наилучших интересов в национальном законодательстве.

В Республике Беларусь основным нормативным правовым актом, гарантирующим права и свободы, является Конституция, а также законы и подзаконные акты. Как было отмечено выше, непосредственно права ребенка в Республике Беларусь регулирует Закон Республики Беларусь «О правах ребенка» от 19 ноября 1993 г., который оперирует понятием «законный интерес». Несмотря на ратификацию Республикой Беларусь КПР и следование ее принципам конструкция «наилучший интерес» в национальном законодательстве не встречается. Именно факт отсутствия в национальном законодательстве принципа обеспечения наилучших интересов ребенка, предусмотренного статьей 3 Конвенции о правах ребенка, часто становится объектом критики со стороны правозащитных организаций. Например, в альтернативном докладе коалиции белорусских НГО о выполнении Республикой Беларусь Конвенции о правах ребенка отмечается, что законодательство оперирует понятием «законные интересы ребенка», однако оно не в полной мере соответствует принципу Конвенции, поскольку законные интересы (то есть, предусмотренные в законодательных актах) не всегда отражают наилучшие интересы ребенка. Кроме того, нет критериев для определения законных интересов, что приводит к злоупотреблениям на практике. Как следствие, ребенок не воспринимается как субъект, имеющий права и собственные интересы, а рассматривается как объект социальной защиты со стороны государства⁴.

Таким образом, использование понятия «законные интересы» вместо «принципа наилучших интересов ребенка» в национальном законодательстве является чрезвычайно узким толкованием основополагающего принципа Конвенции, которое ограничивается соблюдением «интересов», нежели фактической гарантией реализации прав ребенка. Об этом также свидетельствует крайне небольшая практика отсылки к «принципу наилучших интересов ребенка» среди чиновников, судей и общего толкования положений Конвенции в национальных судах.

Категория «законный интерес» встречается и в законодательстве Российской Федерации, в частности в Федеральном законе «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24 июля 1998 г., Семейном кодексе от 29 декабря 1995 г. Как и в случае с Республикой Беларусь, «законные интересы ребенка» по своей значимости неравноценны «наилучшим интересам», так как государственные учреждения по защите детей (органы опеки и попечительства) оценивают лишь общую физическую безопасность детей и не оценивают их эмоциональные и психологические потребности.

⁴ Альтернативный доклад коалиции белорусских НГО о выполнении Республикой Беларусь Конвенции о правах ребенка [Электронный ресурс]. Минск, 2019 г. // Белорусский Хельсинкский Комитет. – URL: https://belhelcom.org/sites/default/files/by_alternative_report_crc.pdf.

В целом, согласно отчету ЮНИСЕФ, в Центральной и Восточной Европе достигнут прогресс в части включения принципа «обеспечения наилучших интересов ребенка» в новые гражданские и семейные кодексы и другие законы, касающиеся семьи, которые многие страны приняли с 1990-х годов⁵.

Так, Закон Украины «Об охране детства» от 26 апреля 2001 г. определяет охрану детства в Украине как «стратегический общенациональный приоритет, что имеет важное значение для обеспечения национальной безопасности Украины, эффективности внутренней политики государства, и с целью обеспечения реализации прав ребенка на жизнь, охрану здоровья, образование, социальную защиту, всестороннее развитие и воспитание в семейном окружении устанавливает основные принципы государственной политики в этой сфере, основанные на обеспечении наилучших интересов ребенка». Украинский законодатель также дал определение **обеспечению наилучших интересов ребенка**, которые обозначил как действия и решения, направленные на удовлетворение индивидуальных потребностей ребенка с учетом его возраста, пола, состояния здоровья, особенностей развития, жизненного опыта, семейной, культурной и этнической принадлежности, а также учет мнения ребенка, если он достиг такого возраста и уровня развития, когда может его выразить. Далее в тексте Закона неоднократно встречается формулировка «законные интересы», однако акцент на обеспечении «наилучших интересов» в преамбуле дает правоприменителю более широкие полномочия при определении интересов ребенка, что в большей степени соответствует положениям Конвенции о правах ребенка.

Главенство принципа обеспечения наилучших интересов ребенка признает Закон Грузии «Об усыновлении и передаче на воспитание» от 4 мая 2017 г. и определяет его как принцип, признающий преимущество интересов ребенка над интересами всех остальных субъектов и предусматривающий возможности для безопасности, благосостояния, охраны здоровья, образования и развития ребенка, определяемые в соответствии с его индивидуальными характеристиками и международными стандартами. Законодатель призывает родителей уделять первостепенное внимание обеспечению наилучших интересов своих детей и признать важность этого принципа в контексте разбирательств о попечении и защите. Гражданский кодекс, принятый в Грузии в 1997 году, также оперирует понятием наилучший интерес ребенка, в статьях, посвященных приобретению права собственности.

Еще одним из государств на постсоветском пространстве, которое признает необходимость уделяния первоочередного внимания праву ребенка на обеспечение наилучших интересов является Туркменистан. Так, Закон Туркменистана «О государственных гарантиях прав ребёнка» от 3 мая 2014 г. провозглашает приоритетом государственной политики в интересах ребёнка обеспечение его наилучших интересов (ст. 6). Признает данный принцип и Семейный кодекс. Однако в Заключительных замечаниях по периодическим докладам Туркменистана о выполнении положений Конвенции Комитет по правам ребенка не раз выражал обеспокоенность тем, что концепция наилучших интересов ребенка не всегда находит полное понимание и не всегда учитывается в судебных и административных решениях, проектах, программах и услугах, которые оказывают влияние на детей, а также в связи с определением статуса «без гражданства». Таким образом, законодательное закрепление принципа наилучших интересов ребенка не всегда равно его эффективной реализации на практике.

О предпочтительности интересов детей говорят Закон Азербайджанской Республики «О правах ребенка» от 19 мая 1998 г., Закон Республики Казахстан «О правах ребенка в Республике Казахстан» от 8 августа 2002 г. Перечисленные нормативные правовые акты не уточняют, какой именно интерес охраняется – законный или наилучший, тем самым оставляя свободу выбора правоприменителю.

В широком, общем, смысле используются формулировки, сходные с формулировками статьи 3 Конвенции о правах ребенка в Законе Румынии «О защите и поощрении прав ребенка» от 2004 г., в итальянском законодательстве об иммиграции, Законе Швеции «О системе социального обеспечения» и др.

Заключение. Таким образом, можно сделать вывод, что несмотря на отсутствие четкого определения принципа обеспечения наилучших интересов ребенка, международное право устанавливает минимальные стандарты защиты прав и интересов ребенка, не ограничивая их рамками, и рассматривает интерес ребенка шире национального права, определяя его как «наилучший», а не только «законный», что дает большую свободу для обеспечения данного принципа на практике, оставляя правоприменителю волю в определении наилучших интересов, исходя из индивидуальности каждого конкретного случая. В свою очередь в законодательстве Республики Беларусь используемая конструкция «законный интерес» не всегда отвечает наилучшим интересам ребенка и является недостаточно гибкой, в связи с чем внесение в законодательство изменений и закрепление категории «наилучший интерес ребенка» как имеющий преобладающее значение во всех делах, затрагивающих права детей, в большей степени соответствовало бы положениям Конвенции о правах ребенка и отвечало современным реалиям в силу стремительно развивающихся общественных отношений, за изменением которых законодательство, а вместе с ним и «законные»

⁵ Реформа законодательства и осуществление Конвенции о правах ребенка [Электронный ресурс] // Исследовательский центр ЮНИСЕФ «Инноченти». – URL: https://www.unicef-irc.org/publications/pdf/law_reform_crc_imp_rus.pdf.

интересы, не всегда успевают. Следует отметить, что не всегда законодательное закрепление принципов означает их реализацию на практике. Относительно доктринального подхода к определению понятия наилучшего интереса ребенка следует отметить, что юридическая наука в целом склоняется к определению интереса ребенка через его потребности и условия развития, что не в полной мере отражает наилучший интерес ребенка. Можно заключить, что отсутствие четкого определения понятия «наилучший интерес ребенка» оставляет максимальную свободу при реализации данного принципа на практике и позволяет смещать акцент с ребенка как объекта правовой защиты, на ребенка как полноценного субъекта права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кабанов, В.Л. Реализация принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка по международному и национальному праву / В.Л. Кабанов. – М. : Экон-Информ, 2018. – 332 с.
2. Беспалов, Ю.Ф. Некоторые вопросы реализации семейных прав ребенка (теория и практика) / Ю.Ф. Беспалов. – Владимир : ВГПУ, 2001. – 128 с.
3. Ильина, О.Ю. Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации / О.Ю. Ильина. – М. : Городец, 2007. – 192 с.
4. Ребенок как субъект права: актуальные цивилистические аспекты / Е.А. Исаева [и др.]. – Ярославль : ЯрГУ. 2013. – 152 с.
5. Коробова, Е.А. Законные интересы личности в конституционном праве Российской Федерации : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Е.А. Коробова. – Челябинск, 2005. – 221 л.
6. Иванова, Н.Н. Интерес в праве как основополагающий элемент национальной правовой системы России / Н.Н. Иванова // Вестник Оренбург. гос. ун-та. – 2008. – № 83. – С. 128–131.
7. Субочев, В.В. Законные интересы в механизме правового регулирования / В.В. Субочев ; под ред. д-ра юрид. наук, проф. А.В. Малько. – М. : Юрист, 2007. – 226 с.
8. Кравчук, Н.В. «Интересы ребенка» в международном и российском праве: сравнительный анализ доктрины и практика применения / Н.В. Кравчук // Государство и право. – 2020. – № 2. – С. 107–116. DOI: 10.31857/S013207690008548-4.
9. Миролюбова, О.Г. О семейно-правовом понятии «интересы ребенка» / О.Г. Миролюбова // Вестник ЯрГУ им. П.Г. Демидова. Сер. Гуманитарные науки. – 2012. – № 4(22). – С. 57–58.
10. Llorens, J. C. Presentation of General Comment No. 14: strengths and limitations, points of consensus and dissent emerging in its drafting / J. C. Llorens // The best interests of the child – A dialogue between theory and practice. – Council of Europe Publishing, 2016. – P. 11–17.
11. Howe, R. B. Education in the Best Interests of the Child: A Children's Rights Perspective on Closing the Achievement Gap / R. B. Howe, K. Covell. – University of Toronto press, 2013. – 253 p.
12. Khazova, O. Interpreting and applying the best interests of the child: the main challenges / O. Khazova // The best interests of the child – A dialogue between theory and practice. – Council of Europe Publishing, 2016. – P. 27–30.
13. Cantwell, N. The concept of the best interests of the child: what does it add to children's human rights? / N. Cantwell // The best interests of the child – A dialogue between theory and practice. – Council of Europe Publishing, 2016. – P. 18–26.
14. Кравчук, Н.В. Наилучшие интересы ребенка: содержание понятия и его место в семейном законодательстве России / Н.В. Кравчук // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 5(78). – С. 97–103. DOI: 10.1783/1994-1471.2017.78.5.097-103.

REFERENCES

1. Kabanov, V.L. (2018). *Realizatsiya principa nailuchshogo obespecheniya interesov rebenka po mejdunarodnomu i nacionalnomu pravu*. Moscow: Ekon-Inform. (In Russ.).
2. Bespalov, Y.F. (2001). *Nekotorye voprosy realizatsii semeinuh prav rebenka (teorija i praktika)*. Vladzimir: VGPU. (In Russ.).
3. Iliina, O.Y. (2007). *Problema interesa v semejnom prave Rossijskoj Federacii*. Moscow: Gorodec. (In Russ.).
4. Isaeva, E.A., Miroljubova, O.G., Sochneva, O.I., Tarusina, N.N. (2013). *Rebenok kak subject prava: aktualnue civilisticheskie aspekty*. Yaroslavl: YarGU. (In Russ.).
5. Korobova, E.A. (2005). *Zakonnye interesy lichnosti v konstitucionnom prave Rossijskoj Federacii*. Chelyabinsk. (In Russ.).
6. Ivanova, N.N. (2008). *Interes v prave kak osnovopolagayushchij element nacional'noj pravovoj sistemy Rossii*. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. (83), 128–131. (In Russ.).
7. Subochev, V.V. (2007). *Zakonnye interesy v mekhanizme pravovogo regulirovaniya*. A.V. Mal'ko (Eds.). Moscow: Yurist. (In Russ.).
8. Kravchuk, N.V. (2020). «Interesy rebenka» v mezhdunarodnom i rossijskom prave: sravnitel'nyj analiz doktriny i praktika primeneniya [“Interests of the Child” in international and Russian law: comparative analysis of the doctrine and practice of application]. *Gosudarstvo i pravo [State and law]*. (2), 107–116. DOI: 10.31857/S013207690008548-4. (In Russ., abstr. in Engl.).
9. Miroljubova, O.G. (2012). *O semejno-pravovom ponyatii «interesy rebenka» [On the family and legal concept "Interests of the Child"]*. *Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P. G. Demidova. Seriya Gumanitarnye nauki*. (22), 57–58. (In Russ., abstr. in Engl.).

10. Llorens, J. C. (2016). Presentation of General Comment No. 14: strengths and limitations, points of consensus and dissent emerging in its drafting. *The best interests of the child – A dialogue between theory and practice*. Council of Europe Publishing, 11–17. (In Engl.).
11. Howe, R. B. & Covell, K. (2013). *Education in the Best Interests of the Child: A Children's Rights Perspective on Closing the Achievement Gap*. University of Toronto press, (In Engl.).
12. Khazova, O. (2016). Interpreting and applying the best interests of the child: the main challenges. *The best interests of the child – A dialogue between theory and practice*. Council of Europe Publishing, 27–30. (In Engl.).
13. Cantwell, N. (2016). The concept of the best interests of the child: what does it add to children's human rights? *The best interests of the child – A dialogue between theory and practice*. Council of Europe Publishing, 18–26. (In Engl.).
14. Kravchuk, N.V. (2017). Nailuchshie interesy rebenka: sodержanie ponyatiya i ego mesto v semejnom zakonodatel'stve Rossii [The Best Interests of the Child: The Content of the Concept and its Place in Russian Family Law]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava [Actual Problems of Russian Law]*. (5), 97–103. DOI: 10.1783/1994-1471.2017.78.5.097-103. (In Russ., abstr. in Engl.).

Послупила 17.02.2021

THE CONCEPT OF "BEST INTEREST OF THE CHILD" IN INTERNATIONAL LAW

V. DORINA

The article examines the problem of defining the concept of "child's interest" in international and national law. Examples of different approaches to the definition of the "child's interest" in international acts, regulatory legal acts of the Republic of Belarus are given. The approaches of researchers to the question of defining the concept of "child's interest" are analyzed. It is concluded that, by defining the child's interest as the best, international law leaves freedom of interpretation to the law enforcement officer. In turn, in the national legislation, the child's interest is interpreted on the basis of the criterion of legality, which limits the interpretation of the "child's interest", does not meet modern conditions with rapidly developing social relations, which do not always have time to be reflected at the legislative level.

Keywords: *child's interests, the best interest, legitimate interest, child's rights, the best child's interests human rights.*